

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Г. Кржижановский

Вредительство в энергетике¹

Товарищи, вчера наши газеты обошла следующая телеграмма из Харькова:

«Промышленность Донецкого бассейна испытывает острый недостаток в электроэнергии. В последнее время уделяется исключительное внимание обеспечению Донбасса электрической энергией. Но все строительство электростанций в Донбассе проходит недопустимо медленно.

В настоящее время первая и вторая очереди Штеровской электростанции дают только 32 тыс. киловатт, несмотря на то, что турбины могут давать 64 тыс. киловатт. Вторая очередь Штеровской электростанции, которая должна была быть пущена еще 1 июля 1930 г., до сих пор не действует. Турбины установлены, но с установкой котлов запаздывают на 6 месяцев, и вследствие этого турбины обречены на бездействие. Не лучше положение и со строительством третьей очереди Штеровки. Эта часть строительства также не будет закончена к сроку (1 апреля 1931 г.).

Строительство Зуевской электростанции остро нуждается в материалах и рабочей силе. Если в ближайшее время не будут приняты меры к снабжению стройматериалами, строительство будет сорвано. С оборудованием положение крайне тревожное. Повторится очевидно штеровская история: турбины установят, но их нельзя будет использовать из-за отсутствия котлов.

Строительство первой очереди электростанции Донсода закончено, однако пуск ее задерживается из-за аварии турбогенератора, который теперь ремонтируется. Для постройки второй очереди турбины и котлы начинают поступать, но электрооборудование не заказано Энергостроем до настоящего времени. Всесоюзное Электрообъединение сообщает, что основное электрооборудование для электростанции будет готово не ранее 1932 г., а станция должна быть пущена к 1 августа 1931 г. Строительство испытывает большой недостаток в цементе, лесе, кирпиче, а также в рабочей силе.

В Каменском пуск первой очереди электростанции при заводе им. Дзержинского тоже по всей вероятности будет задержан не-

¹ Доклад на заседании секции техники Комкадемии 19/XI 1930 г.

своевременной доставкой котлов. Строительство стройматериалами не обеспечено. Темпы работ неудовлетворительны.

В дискуссии на заседании президиума ВСНХ отмечалась крайняя неупорядоченность энергетического хозяйства Донбасса. Электростанции Донбасса беспризорны, за ними никто не смотрит. Хозяйственники относятся к энергохозяйству как к подсобному предприятию, и в результате этого в энергохозяйстве имеются тысячи неполадок, неувязок, перебоев. На заседании отмечалось, что потребители энергии новых электростанций не подготовлены к приему тока».

Если бы мы читали подобного рода сообщения, не зная нынешних вредительских документов, то пожалуй мы пришли бы к выводу, что перед нами обычная характеристика наших неполадок, нашей хозяйственной расхлябанности. Приходится констатировать, что у нас плановый режим хозяйства, охватывающий огромную страну, сильно прихрамывает еще в важнейшем энергетическом районе. Однако, вчитываясь в показания наших вредителей, мы видим, что перед нами не простая хозяйственная расхлябанность. Здесь налицо определенные ставки и достижения наших классовых врагов. Невольно вспоминаешь одно из многочисленных показаний Ларичева, предупреждающего, что, несмотря на вскрытие вредительских дел и вредительских организаций, потребуется еще весьма большая работа для того, чтобы изжить то зло, которое посеяно вредителями.

Разрешите, товарищи, не ограничиваться цитатами из тех показаний вредителей, которые находятся в настоящее время в наших руках, и ради экономии нашего времени прибегать к некоторой сводке показаний и к сокращенному изложению их. Должен признаться, что изучение этих документов — не легкое дело. Невольно охватывает при этом чувство отвращения. Однако это совершенно необходимо. Ведь недаром нынешние пленники пролетарской власти утверждают, что еще вчера мы были их пленниками. Рамзин горделиво заявляет, что он и его товарищи чувствовали почти неограниченную свободу планирования. Ларичев утверждает, что Госплан — штаб экономической политики — был превращен ими в штаб вредительской политики. Верно ли это? Во всяком случае несомненен тот факт, что в самой непосредственной близости к нам работали наши заклятые враги. Уже много лет тому назад я утверждал, что наша работа планирования отнюдь не просто кабинетное занятие, не просто смелая попытка, опираясь на научные истины и социализма, и целых серий точных наук, охватить экономику огромной страны и воплотить идеи плана в опыте миллионов трудящихся. Я утверждал, что для того, чтобы такое воплощение имело место, необходимо вести жестокую борьбу за план. Но, товарищи, я все же не думал, что придется работать в условиях такого прорыва нашего фронта. Вероятно, эту ошибку мою разделяло большинство хозяйственников. Факт остается фактом. Эти враги утверждают, что держали наш штаб в плену. Я утверждаю, что, несмотря на

прорывы нашего строительства, несмотря на наш урон в бою, забрать нас в плен врагам нашим оказалось не по плечу.

Цель моего доклада — проследить вместе с вами методы и приемы борьбы вредителей и сделать отсюда надлежащие выводы для борьбы в будущем. А ведь никто из нас не сомневается, что перед нами еще суровый путь борьбы, суровый путь дальнейших испытаний.

Говоря о вредительстве в энергетике, на первый план приходится поставить показания двух лиц — Рамзина, который так прямо и пишет, что держал в своих руках общее руководство вредительством в энергетике, и Ларичева, его главного помощника, весьма не поскупившегося на свои показания.

Фигура Рамзина вероятно достаточно известна присутствующим. Он умел импонировать и диапазоном своих технических знаний и умелой защитой своих положений. Он играл немалую роль и в Государственной комиссии по электрификации.

Рамзин обрисовывает свою организацию, как организацию весьма конспиративно составленную. Она была образована по системе обособленных цепочных связей, приуроченных к определенным отраслям народного хозяйства. Эти цепочки не знали друг друга. Контакт происходил только через верховные звенья. Даже в одной и той же цепочке высшее звено не имело непосредственного контакта с звеньями периферии. По глазомеру Рамзина выходит, что центр состоял из 40—50 человек. Непосредственно к этому центру примыкало 400—500 человек. Если эти показания правильны, то выходит, что штаб вредителей по численности примерно соответствовал прежнему Госплану. Вчитываясь в показания, приходишь к выводу, что «цепочки» Рамзина отличались выдержанной дисциплиной.

Пару слов относительно тактической платформы вредителей. Она поражает своим фашистским цинизмом. В одном из своих показаний Рамзин признается в своей близости к фашизму. Тактика вредителей вместе с тем была умело приспособлена к действительности, диалектически из нее вытекала. Вот как характеризует Рамзин общую ситуацию: «Начавшийся после восстановительного периода успешный ход реконструкции страны, быстро растущее укрепление ее экономического состояния и совласти делали совершенно безнадежными расчеты на контрреволюционный переворот внутренними силами, путем крестьянских или военных восстаний, а вместе с тем сильно уменьшали шансы на благоприятный результат интервенции, ибо параллельно с ростом экономической мощи Союза росла и его военная мощь, а следовательно и сопротивляемость интервенции. Поэтому центр изменил свою тактику и пришел к выводу о необходимости активного ускорения контрреволюционного переворота путем искусственного ухудшения экономической жизни Союза, т. е. стал на путь вредительства. Характер и методы последнего менялись в связи с общей ситуацией».

Рамзин по своему положению хорошо был знаком с важнейшими документами, характеризующими жизнь советского хозяйства. Он отдавал себе отчет, как мы видим, в жизнеспособности этого организма и пришел к определенному выводу, что только насильственная смерть может задушить ростки этого могучего организма.

В начале своей работы вредители напрягали усилия, чтобы всячески вовлечь нас в сторону минималистских установок. Но уже с 1928 г. сделан был радикальный поворот на максималистские ставки, что было связано с особой тактикой «омертвления капитала», вовлечения большевиков в грандиозное долговременное строительство, плоды которого, по расчетам вредителей, могли выпасть на долю лишь тех, кто сменит большевиков.

В одном месте он прямо показывает, что успех их тактики минималистских ставок превосходно иллюстрируется первой «куцей» пятилеткой Госплана. Выходит так, что мудрецы-вредители уже в 1926 г. знали о недостаточности тех темпов, которые намечались в первой пятилетке. Нет никаких сомнений, что специалистам-вредителям удавалось злобно скрывать от нас истинные масштабы наших технических ресурсов. Они тормозили наш подъем как по металлу, так и по энергетике. Но нет никаких сомнений, что только в длительном опыте социалистического строительства возможно было узнать те действительные величины хозяйственных ускорений, которые до поры до времени еще никому не могли быть известны. И в частности можно показать, что как раз по линии электроэнергетики ставки первой пятилетки почти целиком вошли в пятилетку последующую и что главная наша беда не в том, что эти ставки малы, а в том, что и они до сих пор еще не реализуются в нашей строительной практике.

Во всяком случае следует признать, что недостаточное знание наших особых шансов социалистической реконструкции облегчало работу вредителей в сторону минимализма. Теперь они пишут, что, вступивши в прямые связи с интервентами, они порадили в сторону строительства «вабанк» ради пользы своих хозяев из парижского Торгпрома. Вот как пишет по этому поводу Рамзин:

«Наконец примерно в 1928 г. с появлением надежд на близость контрреволюционного переворота более широко применяется метод вредительства путем длительного омертвления капиталов, вкладываемых в строительство, т. е. вкладывание народных средств в сооружения с длительными строительными периодами или же в предприятия, которые по наличию других необходимых факторов можно использовать лишь в более далеком будущем и таким образом ненужных или бесполезных для данного момента. Такой метод омертвления капиталов и использования их с низкой эффективностью 1) отрывал капитальные средства, сокращал масштабы эффективного строительства и темп экономического развития страны, а 2) за счет сокращения удо-

влетворения текущих потребностей, благодаря отрыву средств на малоэффективное в данный момент строительство, увеличивал советское наследство для нового правительства, вызывая в то же время рост недовольства широких масс населения».

По-профессорски гладко, но не достаточно. Причина поворота тактики вредителей в фактической победе генеральной линии партии. Именно проведение этой генеральной линии обеспечило такие фактические темпы хозяйственного подъема, что ставки на минимализм не могли рассчитывать ни на самонадеянный успех. И Ларичев и Рамзин пишут, что уже с последнего топливного съезда они стали защищать линию правильной технической политики. Кому шла на пользу эта правильная техническая политика? Ведь интервенция на их глазах откладывалась с 1928 на 1929, с 1929 на 1930 и с 1930 на 1931 гг. Уже шли разговоры о возможности отодвижки интервенции на дальнейшие сроки. А Рамзину и Ларичеву, как видим, приходилось защищать уже правильную техническую политику, которая в таких условиях уже целыми годами шла на пользу работы большевиков. Не все гладко выходит у г. профессора, когда он утверждает то, что он забрал своих противников в плен.

Итак, у вредителей были свои минималисты, свои максималисты и свои двурушники. Читая их показания, мы видим, как при проведении минималистских установок они рассчитывали на правооппортунистическое крыло коммунистов. Неверие в силы рабочего класса было конечно естественным мостом между вредителями и правооппортунистами. Максималистские ставки особо теплый прием могли встретить конечно в лагере «леваков». Однако по слабости этого крыла на особый успех рассчитывать не приходилось. В своих показаниях Рамзин признается, что тактика максимализма не могла проводиться с той последовательностью, с какой проводились минималистские установки. Говоря о подготовке к топливной конференции, он упоминает об одном собрании, на котором обсуждался вопрос о максимальном раздувании программы, но так, чтобы экономисты не разгадали¹. Видите, какое державное презрение к техникам-коммунистам. Эти верхушки технической буржуазной интеллигенции могут допустить мысль, что марксисты могут быть еще туда-сюда экономистами, но они никак не могут примириться с мыслью, что и в области техники им приходится считаться с особыми приемами диалектического материализма. Крупный техник-коммунист для них совершенно невероятное событие. А между тем можно было бы прочесть целый специальный доклад на тему о «буржуазной технической мысли» проф. Рамзина и ему подобных.

¹ В связи с предстоящей топливной конференцией и новыми директивами ЦК Промпартии, — пишет Рамзин, — обсуждались возможности максимальной цифры наметок топливного плана, которые бы не вызвали явных возражений и оспаривания со стороны экономистов».

Фигура Осадчего в свете его нынешних показаний выявляется как фигура типового двурушника. Этот самый Осадчий при своем недавнем возвращении из-за границы, узнавши от меня об аресте вредителей, с глубоким чувством заявил мне, что при таких условиях самая жизнь для него теряет свою ценность, не хочется-де жить на свете, когда так много кругом подлецов...

Пойдем однако по следам фактической работы вредителей и соответственно заданиям нашей темы сосредоточим свое внимание на вредительстве по линии топлива и по линии электрификации. Ведь эти два крыла — эксплуатация тепловой и эксплуатация электрической энергии — как раз составляют два основных крыла энергетики. Топливо — хлеб и промышленность. Читая документы, видишь, какие гигантские усилия прилагали вредители, чтобы лишить нас этого на сущного хлеба. Пользуясь признаниями вредителей, мы можем прежде всего установить некоторые основные точки зрения на топливную политику. И Рамзин и Ларичев пишут, что они немало постарались для оттеснения местного топлива на задний план. Учитывая, что начало военных действий может парализовать работу нашего Донбасса, они отмечают громадное оборонное значение торфа, подмосковного угля и Кузбасса. Прав ли был однако Комитет по химизации в своих нападках на Госплан, защищавший необходимость дальнейшей усиленной работы и в Донецком бассейне и в Кузбассе, т. е. в направлении форсирования добычи топлива дальнего привоза? С какой бы осторожностью к нынешним показаниям Рамзина и К^о мы не отнеслись, учитывая их положение, мы должны считать, что вряд ли они станут ныне извращать в этих показаниях основные технические установки.

В показании Ларичева от 3/XI 1930 г. читаем: «Мероприятиями по развитию местных топлив должна была бы быть ослаблена зависимость этих районов от привозных топлив и созданы на местах топливные базы мобилизационного значения. Однако, даже при самых благоприятных условиях и максимальных размерах развития местных топлив, эти районы все-таки должны иметь привозное топливо, и без надежной и мощной транспортной связи с Донбассом и Кузбассом были бы как в нормальных условиях, так и в особенности в период военных действий поставлены в тяжелые условия топливоснабжения. Поэтому под флагом полемики о политике местных топлив велась особо чреватая своими последствиями вредительская деятельность транспортной группы, сводящаяся к тому, чтобы отвлечь внимание от вопросов усиления и развития транспортной связи между Донбассом и Кузбассом и основными промышленными центрами страны».

Исходя из таких соображений относительно роли нефти, донецкого и кузнецкого углей, и Рамзин и Ларичев подчеркивают важность правильного разрешения вопроса о транспортных связях в направлении от центра на Донбасс и от центра на Кузбасс. Это не мешает им

одновременно утверждать, что, раздувая принципиальный спор о сверхмагистрализации этих направлений, они мешали рационализации топливного дела. Нам, конечно, известно, как поисками лучшего, маневрированием различными вариантами умеют пользоваться вредители в своих классовых целях, но в этих показаниях Ларичева и Рамзина проглядывает и нечто другое. Весьма возможно, что с их точки зрения выходило, что большевики не в силах будут осуществить те великие сверхмагистралы и на юг и на восток, которые защищались еще в плане ГОЭЛРО. В те времена Рамзин был сторонником такой магистрализации, впервые защищавшейся его учителем проф. Гриневецким. Но и в те времена не все было благополучно у того же проф. Рамзина по части основных идей энергетики и, скажем, по оценке роли электрификации в судьбах топливного хозяйства. Он всегда перегибал палку в сторону самостийности топливного хозяйства, и в отчетах VIII съезда электротехников товарищи могут найти справки относительно той борьбы, которую мне пришлось вести с ним в этом отношении. В профессорском лагере и до сих пор еще очень много лиц, относящихся с обывательским презрением к трактовке основных вопросов электроэнергетики.

Каким же образом тормозили вредители наши работы по утилизации местного топлива? Начнем с торфа. Рамзин утверждает, что кроме запоздания разведок и подготовки болот главная ставка была на торможение фрезерного способа. Он вместе с тем свидетельствует, что в пределах пятилетки надо было поставить ставку на добычу 30 млн. тонн, а не 15 млн. тонн. Как же дело обстоит в действительности? Отметим прежде всего, что наша нынешняя добыча торфа превосходит довоенную добычу (около 1,5 млн. тонн) примерно в пять раз. Общая наша отсталость по разведке естественных топливных ресурсов широко известна. Несомненно также, что если бы наши научно-исследовательские органы, в том числе и Теплотехнический институт, надлежащим образом поработали над проблемами получения и сжигания фрезерного торфа, дело это вероятно более заметно продвинулось бы вперед. Но фактически все же, как об этом вы можете получить справки в Торфяном институте, для того, чтобы фрезерный способ стал преобладающим, придется еще весьма много поработать. Еще в 1919 г. я утверждал, что торф будет иметь для нас то же значение, какое уголь имел для Англии. Пятерной подъем торфодобычи по сравнению с довоенным уровнем явился в значительной степени результатом такой оценки значения торфа, но ставку на 30 млн. тонн добычи к концу пятилетки мы сделали не по указке Рамзина, а на последнем топливном съезде, на котором мы к работникам по торфу и работникам по подмосковному углю шли самым широким образом навстречу, ограничивая ставки их топливной добычи предельными, по максимуму их фактических добычных возможностей, цифрами. Сложные химические методы обработки торфа и Рамзин и Ларичев в своих показаниях и

ныне считают вредительскими. Однако свое ограничение торфодобычи находит не там, где указывает Рамзин¹. Дело в том, что нынешние методы механизации торфодобычи и сушки торфа требуют громадного количества рабочей силы. Дело в том, что торфяное оборудование наталкивается на лимиты по металлу и машиностроению, и в этих направлениях придется как раз нажать, чтобы довести торфодобычу до того уровня, который необходим для нашего центра и северо-запада и необходим, в особенности на случай военных осложнений. Следует ли отсюда, что то разложение, которое вносили и Рамзин и ему подобные в ряды работников по торфу, имеет малое значение? Конечно нет. Работа на нашем топливном фронте нуждается в великом энтузиазме и громадной сосредоточенности энергии, и вредители знали, какое зло они сеют.

В чем заключалось вредительство по подмосковному углю? По характеристике Рамзина выходит, что центр тяжести вредительства в данном случае в отвлечении от постановки элементарных задач добычи этого угля в максимальном количестве для топливных целей; в постановке сложных химических проблем. Несомненно, что главная трудность популяризации подмосковного угля — это умелые методы сжигания его и подготовка потребителей. Припомните, что еще немногие годы тому назад наши железные дороги наотрез отказывались принимать этот уголь и что вообще широким потребителям его можно было навязывать только насильно. Вскрыть угледобычу подмосковного угля можно было только практикой больших электростанций на этом угле, по какой дороге мы и пошли. Торможение развития Каширской электростанции и в частности та волокита, которую создавал Рамзин в работах Тепло-технического института по применению правильных методов сжигания этого угля в пылевидном состоянии, конечно наносили тяжелые удары по развертыванию Подмосковного бассейна. Конечно все это свидетельствует не только о наших ошибках, но и о слабости наших кадров. Но все это необходимо учитывать, считаясь со всей ситуацией прошлых лет, которая позволяла не только вредительски попридерживать угледобычу Подмосковного бассейна, но и вырвать 655 тыс. тонн нефти из бронированных ее запасов и вредительски пустить эту нефть в оборот, мешая менее благородным видам топлива, которая позволяла раздуть в 1925 г. заминку по сбыту кузнецкого угля, сокращая работу Прокопьевских копей и допуская сдачу Киселевских копей Кузнецкого бассейна английским концессионерам. За всем тем следует признать, что Рамзину и компании удавалось втирать нам очки как раз при трактовке тех достижений по сжиганию подмосковного угля, которыми будто бы был силен Теплотехнический институт в своей помощи работе Каширской станции.

¹ Это между прочим иллюстрация ограниченности кругозора господ вредителей.

Однако особо разительными успехами по линии вредительства могут вероятно похвастаться вредители-нефтяники. Еще совсем в недавнее время мы считали наше нефтяное хозяйство особо передовым, представляли его себе каким-то положительным оазисом по сдвигам технической реконструкции. Разве не факт, что электрификация нефтяных районов была почти 100-процентная? Факт. Разве не факт, что старозаветный тартальный способ был заменен насосным в сравнительно быстрый срок и что объединенная работа нефтяных скважин по сравнению с прошлым, представляла огромный шаг вперед по технической и экономической эффективности? Уже в 1926/27 хозяйственном году нефтедобыча перевалила за довоенную черту и шла вперед в таких темпах, которые были неведомы нашему нефтяному прошлому. И тем не менее оказывается, что здесь-то и было самое поганое вредительское гнездо, представлявшее мощную организацию от своего верховного научно-технического совета до низовых производственных ячеек включительно. Приходится признать, что именно здесь вредители организационно оказывались особенно сильными и нанесли стране особо существенный вред. Ларичев в своих показаниях утверждает, что они как бы представляли государство в государстве и что целый ряд лет издевательски относились к самым плановым наметкам, нагло устраиваясь по-своему.

«Именно в нефтяной промышленности — пишет Ларичев в своем показании от 23-24 июня 1930 г. — наиболее трудно было добиться составления планов вообще и тем более их выполнения.

Специалисты-нефтяники, в руках которых было сосредоточено руководство всеми важнейшими отраслями нефтяного дела, особенно московские работники, представляли из себя весьма сплоченную группу, не допускавшую проникновения в их среду нежелательных им элементов.

Они имели очень сильное влияние на руководителей нефтяных трестов и ВСНХ... Они по существу не считались ни с какими утверждениями планов и практически держали в своих руках направление всего нефтяного хозяйства».

Позвольте отметить кстати, что в первые годы восстановительного периода значение наших планов было весьма относительно. Плановый охват хозяйства долгие годы реализовался только по частям. Разрыв между планом и исполнением никого не удивлял, настолько это было обычным явлением. Но как раз в эти годы весь упор вредителей, как об этом мы читаем в их показаниях, был направлен в сторону оперативных действий. А когда от оперативных действий они перешли к тактике планового вредительства, они сами же должны были признаться, что им быстро пришлось столкнуться с огромным противодействием партии. По показаниям Ларичева видно, что вредительству в области нефти помогало одно специфическое обстоятельство. Всем вам известно, как быстро растут наши потребности и как каждый год при составлении контрольных цифр происходит

урезка назначений по так называемым «бюджетным соображениям». В таких случаях работники оперативного ведомства не особенно заботятся о таких рентабельных отраслях, как, скажем, нефтяное хозяйство. Гораздо выгоднее закрепить назначение на более слабый пункт программы, а там-де — в последней инстанции «ошибки» ставок для таких выгодных отраслей, как нефть, все равно ликвиднут. В своих показаниях Ларичев обрисовывает перед нами, какие выгоды создавались для вредителей при такой системе действий. Первоначальные заявки с мест в ВСНХ предварительно смело урезывались. Поэтому они между прочим всегда поступали и в чрезмерно раздутom виде. Затем начинались поправки и поправки к поправкам. Создавалась такая неразбериха цифр, которая как раз и была нужна вредителям. Немало этому помогала и сложность нефтяного хозяйства. Здесь переплетаются в единое целое и вопросы предварительных разведок, и объем программы бурения, и вопросы добычи, и вопросы переработки, и специфические вопросы транспорта нефти, и сложные вопросы ее складского хозяйства. Точно так же можно было морочить голову якобы борьбой против хищнических методов добычи и использования нефти: смотрите-де, как вредительствовали в этом направлении англичане в Америке. Прибавьте сюда, что геология нефти представляет не только науку, но и некоторое искусство. Причем и среди геологов оказалось немало вредителей. Вся эта шайка уже давно была в контакте с Нобелями и Детердингами, этими опытными мастерами борьбы в стиле специфических приемов загнивающего капитализма.

Ныне Рамзин обстоятельно повествует, как и каким скопом они обрабатывали ответственных советских работников, поясняя, что «основные директивные линии сводились здесь к замедлению нефте-разведок, нефтедобычи и бурения, к задержке развития крекинга, к замедлению развития нефтеналивного флота и к задержке подготовки к транспорту и использованию парафинистого мазута». Он подчеркивал, что злостно была выдвинута установка «на бензиновые тракторы с применением крекинг-бензина или крекинг-керосина вместо радикальной ставки на тяжелое нефтетопливо, и получили согласие и поддержку... Как следствие этой установки получилась необходимость явно неосуществимой и невыгодной постройки более 100 крекинг-ов и расширения нефтедобычи до 42 млн. тонн, с громадными... капитальными затратами — более 500 млн. руб., и при больших ежегодных перерасходах тоже около 500 млн. руб. в год» (показание от 29/XI 1930 г.).

Нефтяная цепочка была особенно солидно организована. Но когда Рамзин утверждает, что им удавалось «обработать» и академика Губкина, т. е. человека, в этой области обладающего большим именем, то это следует понимать лишь в том смысле, что господам-вредителям удавалось оттирать т. Губкина от таких позиций в работе, на которые он имел полное право рассчитывать.

Ныне Рамзин утверждает, что по ставкам нефтяной пятилетки наглядно виден переход от минимализма к максимализму, от 22 млн. тонн к 42 млн. тонн годичной добычи. Он не знает, что в настоящее время вместо ставки в 42 млн. тонн намечена ставка в 46 млн. тонн — на этот раз уже вне всяких директив со стороны рамзинской компании. Он подчеркивает, что 42 млн. ставка — фикция, а недавняя экспертиза большого коллектива нынешних работников по нефти авторитетно поддерживала ставку в 46 млн. тонн. В чем же тут дело? Легко показать, что «максимализм» в области нефтяного хозяйства и быстрая смена вышеотмеченных наметок нефтедобычи — прямой результат того революционного переворота, который на наших глазах совершается в области сельского хозяйства. Если к этому техническому и социальному перевороту решающего значения прибавить наши потребности в области авто и авио и вообще по всей линии применения двигателей внутреннего сгорания, то причина смены нефтяных вех становится совершенно ясной. Причина — в наличности того нового ускорения по всему хозяйственному фронту, которое предвидел Владимир Ильич и о котором он говорил, что масштабы его «нам даже и не снятся». Эти масштабы не могли сниться даже таким колоссам, как Владимир Ильич, и их будто бы провидел такой пигмей, как Рамзин. Конечно это не так. «Они думают двигать — они сами движимы».

Вот когда Рамзин показывает, что нам давали ложные геологические справки и по району Эмбы, и по Баку, и по Грозному, — тут ему и книги в руки. Но уже докладывая пятилетку на съезде, я отмечал эти недуги по отсталости геологических разведок в области топливных ресурсов и частью в области нефти. Теперь повидимому и американские эксперты не оспаривают, что потенциально мы обладаем богатейшими в мире нефтяными недрами. Мы повысили ставку с 5 млн. тонн нефтедобычи из новых районов до нормы свыше 15 млн. тонн. Реализация этой ставки — прямая производная от возможности нашего большевистского нажима в этом направлении. Не мешает подчеркнуть, что по показаниям Ларичева и Рамзина дальнейшее развитие постройки нефтепроводов является неотложным делом. Нефтепровод на Москву является по их мнению сомнительным, нефтепроводы следует сооружать после некоторых опытов в этом направлении. Искривление направления нефтепроводов на Батум и на Тупсе вместо Поти и Новороссийска злонамеренно достигнуто вредителями. Но всякий знающий историю вопроса должен будет признать, что самую идею строительства нефтепроводов приходилось отстаивать с бою и в частности при большом противодействии вредительских групп НКПС и НКФина.

Не останавливаясь на других разрывах в области нефтяного хозяйства, как например на разрывах между размерами нефтедобычи и нефтепереработки, и отметив довольно-таки противоречивые показа-

ния Рамзина о наших ставках на крекинг-процесс, охарактеризуем вкратце работу вредителей в области угледобычи.

Роль Донецкого бассейна и основы технической политики в Донбассе довольно широко развиты еще в плане ГОЭЛРО. В то время Рамзин повидимому еще не был изменником, и разрабатывая эти вопросы, я пользовался и его работами, и работами всей группы теплотехников, примыкавших в свое время к проф. Киршу, который заблаговременно умер до своей вероятной измены. В свете нынешних показаний вредителей мы можем прежде всего утверждать, что основы технической политики в Донбассе были намечены еще тогда совершенно правильно. Колоссальная роль электрификации в деле под'ема Донбасса быть может нуждалась в еще большем подчеркивании. Вредители по углю — Рамзин и Ларичев — ведут свою работу преемственно еще от Рабиновича и Федоровича. Следует подчеркнуть, что успешности этой работы весьма помогал разрыв между работой оперативной и работой планирования, наличием «средостения», как выражается Ларичев, между Госпланом и ВСНХ. В одном из своих показаний он прямо так и пишет, что вот-де дело доходило до того, что в ВСНХ издавались приказы, чтобы в стены Госплана поступали материалы не непосредственно от производственных центров, а уже после предварительной обработки их Топливным управлением. Таким образом, если это Топливное управление оказывалось в руках вредителей, то работа Госплана являлась уже парализованной. Это показание Ларичева чрезвычайно важно, потому что оно свидетельствует о невозможности рационализировать работу планирования, сосредоточивая внимание на работе одного Госплана СССР и не охватывая всей системы планирования, долженствующей представлять централизованное целое. Отсюда уже один шаг до того основного положения по рационализации энергетики, по которому наличие единого и мощного энергоцентра является основной и решающей предпосылкой. Я невольно вспоминаю при этом свой совместный провал с т. Куйбышевым при выступлении на эту тему в одном специальном заседании президиума ВСНХ — мы, конечно, не отдавали себе тогда отчета, что против нас действовали сплоченные силы вредителей.

Вредитель Чарновский показывает, что после шахтинского процесса вредителям главный упор пришлось сделать не на топливо, а на металл. Не так это выходит по тому подробному жизнеописанию Донбасса, которое дает Ларичев. Здесь целый ряд последовательных этапов. Дело началось с неправильной разбивки Донецких шахт на категорию действующих и консервированных. Правильность этой разбивки могли установить только такие знатоки фактического положения вещей, какими были Рабинович и Федорович, а они-то уже конечно постарались обречь на консервацию то, что как раз было наиболее жизнеспособно.

Затем следовал довольно длительный срок, когда наши планы были сами по себе, а подлинная производственная и строительная деятельность — сама по себе. Этот разрыв между планом и оперативной деятельностью Ларичев прослеживает и устанавливает и на позднейшее время. В 1925/26 г., говорит он, был составлен первый перспективный план донецкой угледобычи, и если бы он был выполнен, то в значительной мере предотвратил бы ту напряженность на топливном фронте, какую мы испытываем в настоящее время. План имел в виду сооружение 30 новых крупнейших шахт и специальную программу по реконструкции старых шахт. И та и другая программы были преуменьшены. Истинные добывные возможности Донбасса были скрыты от нас. Но как обстояло дело и с этой программой? Уже в следующем году в программе крупного шахтного строительства вместо 30 шахт стояло только уже 24. Затем постепенно это число снижалось до 17 и наконец, до 13 шахт, да и эти 13 шахт оказались весьма плохо обоснованными и по предварительным геологическим разведкам, и по проектам, и по всей организации строительства на местах. Фактический ход строительства был настолько затруднен, что сжатие программы весьма легко было аргументировать самыми разнообразными «объективными причинами». Оперативная ненадежность механизма была настолько велика, что Ларичев мог позволить себе роскошь прямых нападок на ВСНХ за забвение крупного шахтного строительства, отделиваясь в постановлениях высших инстанций такого рода поправками, которые оставляли воз на месте. Теперь задним числом нам превосходно видно, как жестоко приходится расплачиваться за все и всяческие элементы бюрократизации планирования и как непростительна доверчивость даже по отношению, казалось, к старым и испытанным работникам. Но маскировка была превосходной. Рамзин пишет, что вредители нарочно устраивали дискуссии, внешне разбиваясь якобы на враждебные фракции¹. Они могли себе позволить эту роскошь, потому что располагали большинством научно-технических советов. Невольно вспоминаю при этом о своих попытках доказать неправильность установок на длительные четырех-, пятилетние сроки крупного шахтного строительства. Исходя из общих соображений относительно сдвигов и потенций современной техники, я настаивал на том, что такое строительство следует ограничить максимум тремя годами, но каждый раз возражали эксперты-специалисты. Получалось действительно как бы положение порочного круга. Вот как об этом пишет Рамзин, снабжая свое показание подзаголовком: «Соккрытие вредительства».

«Прежде всего члены промпартии... усиленно доказывали им, что отдельные факты нельзя приписать вредительству, а надо об'яс-

¹ В показании от 29/IX 1930 г. Рамзин пишет, что ЦК промпартии «не предпринимал решительных мер против мождущихся... полагая что публичные дискуссии членов организации будут лучше способствовать маскировке активных работников».

нить техническими ошибками, неизбежными в деловом деле, или даже доказывали полную целесообразность деланного.

Указания ОГПУ отдельным хозяйственникам на обнаруженные факты вредительского или подозрительного характера обычно передавались хозяйственниками на отзыв и экспертизу своим инженерам, которые или состояли членами промпартии и потому покрывали вредителей или же делали то же самое из чувства корпоративной «этики». Таким образом создавался заколдованный круг, препятствующий обнаружению вредительства, так как экспертами по вредительским действиям промпартии являлись обычно ее же члены.

И все же я думаю, что такими показаниями лидеры вредителей как бы стараются «набить себе цену» и преувеличивают те возможности, которыми они располагали.

Не надо забывать, что минимализм ставок являлся завуалированным самими особенностями, особенностями наших хозяйственных темпов.

Пятилетка, утвержденная Съездом советов, намечала для Донбасса такое строительство в течение пяти лет, которое соответствует сорока довоенным годам. Это восьмерное ускорение во времени оказалось минималистским, но сама необычность этого ускорения — вот что мешало нам опережать мыслью действительность, и вредителям только удавалось здесь использовать положение.

Ныне Рамзин и К^о с торжеством отмечают, что фактически наша нынешняя топливная пятилетка почти в два раза превосходит ставки оптимального варианта пятилетки. Пусть будет так. Мы никогда не были фетишистами количественных ставок. Мы всегда стояли за перевыполнение наших планов. Но если Рамзин думает таким образом показать, что наша пятилетка, столь отставшая в своем энергетическом разрезе, являлась орудием «промпартии», то почему же с такой опаской смотрят на эту «вредительскую» пятилетку наши классовые враги? Позвольте не верить нынешним заверениям лидеров вредителей, что уже в 1927 г. они смогли полностью предвосхитить те правительственные ставки наших планов, которые мы намечаем в 1930 г. Свежее предание, а верится с трудом.

Не следует забывать также, что при оценке количественных ставок плана, охватывающего на ряд лет сложнейшие величины народного хозяйства в его целом, количественные ставки такого плана нельзя отрывать от качественных ставок, от охвата глубокого и целостного, от замысла социалистической реконструкции хозяйства в целом. Мы охотно согласимся с тем, что учиться такому планированию нам придется еще целыми годами, что решающей величиной здесь будет сам опыт миллионов

трудящихся, но идти в учебу к Рамзину и К^о в этом деле нам не приходилось и не придется.

Вопрос о работе Донецкого бассейна в настоящее время широко освещен работой комиссии т. Молотова. Создание нового механизированного социалистического Донбасса связано с вопросом энергетики в двух направлениях: механизация угледобычи есть прежде всего прямая производная электрификации Донбасса, — это во-первых; во-вторых — она находится в прямой зависимости от характера организации живого труда. Ныне в Донбасс направлены большие кадры комсомольцев. Было бы чрезвычайно важно, чтобы комсомольцы с своей стороны помогли поскорее покончить с сезонным характером работы в Донбассе. В энергетическом сердце нашей индустриализации надо изгнать пережитки прежней деревни. Ровная кривая угледобычи Донбасса — один из важнейших показателей нормального состояния нашего индустриального подъема.

И Рамзин и Ларичев — в особенности — свидетельствуют, какими вредительскими являлись установки в Донбассе на мелкие и средние шахты. Здесь беда не только в малой эффективности работы такими шахтами, главная беда в том, что таким путем отвлекалось внимание от решающих позиций крупного шахтного нового строительства. Решительный курс на последнее означает решительный курс и на своевременные геологические разведки, и на широкую механизацию, и на мощное электроснабжение, и на подъем квалификаций рабочей армии. Здесь своеобразное единство, которое могло бы быть хорошо подкреплено и целой серией работ научно-исследовательского характера. Конечно огромную роль мог бы здесь сыграть Теплотехнический институт. Нам очевидно не удалось овладеть работой этого учреждения. Но попытки были. Вот что по этому поводу пишет Ларичев:

«Неоднократно в моем присутствии Г. М. Кржижановский... указывал Рамзину на необходимость создать из Теплотехнического института государственную организацию с широкими задачами и масштабом работ, а не проводить «деляческую» политику. Но эти указания Рамзин отводил разного рода «практическими» соображениями, а по существу эта «деляческая» политика была следствием вредительского направления деятельности Теплотехнического института. После подобных разговоров Рамзин высказывал опасения, что Г. М. Кржижановский может раскусить проводимую им политику, и принимался усиленно афишировать какую-нибудь из работ Теплотехнического института как его «достижение», отвлекая внимание от общего направления работ Института».

Такого мощного по оборудованию теплотехнического центра, каким является Теплотехнический институт, нет и за границей. О невозможности организовать такой центр при условии частного хозяйства распространяться не приходится. Тем более досадно, что это мощное орудие не пущено во всю. Но возражая в свое время против «коммерческой» постановки дела в работе Института, я допускал, что

до поры-до времени, при нашей организационной расхлябанности можно было с этим мириться. Здесь очевидно большая ошибка.

Вторая ошибка — неумение создать мощный союз энергетиков на основах слияния электротехнического и теплотехнического крыльев энергетики. Дело остановилось на полдороге. Двuruшник Осадчий в своих показаниях ныне обрисовывает свою причастность к диверсионистской деятельности и поясняет, как механизм централизованности помогал вредителям. Централизованное начало, пронизывающее естественным образом всю электроэнергетику, вредители использовали во вред социалистическому строительству. Если «диспетчеры» электроэнергетики будут их орудием, они могут наносить из одного центра колоссальные удары. Но от этого никуда не уйдешь. Все построение социализма основано на центростремительных силах. Осадчий ошибается, если думает, что союз электротехников и теплотехников шел по его вредительской линии. Вот что пишет по этому поводу Ларичев:

«Должен отметить, что Рамзин с целью обеспечить руководящее влияние вредительской организации Теплотехнического института на направление работ в области теплотехники и избежать постороннего контроля упорно отказывался и отклонял предложения об объединении работ Теплотехнического и Электротехнического съездов и их бюро. На этом особенно настаивал Г. М. Кржижановский... и лишь под его давлением был создан Всесоюзный энергетический комитет (ВЭК), избранный на последнем объединенном съезде теплотехников и электротехников. Но поскольку в его состав вошли те же лица, члены вредительской организации, работа ВЭК'а не была развернута в нужном направлении» (показания Ларичева от 23 сентября 1930 г.).

В виду важности этого вопроса мы вернемся еще к нему в конце доклада.

Наше централизованное социалистическое хозяйство мы строим на базе электроэнергетики. Казалось бы, что ленинский план электрификации создавал нам здесь особо прочную позицию. Нынешние показания вредителей свидетельствуют, что именно в виду важности этой базы фактически здесь все позиции приходилось брать с бою, в особенности в период социалистической реконструкции, в период после 1927 г. Приходится признать, что наша главная беда в том, что мы недооценили те сдвиги, которые должны были сделать сами в себе, в своей настороженности, в своей оценке как общей ситуации, так и работников при наступлении этого переломного момента. Каким образом вредителям удалось нанести глубочайший удар именно в этом деле, которое мы старались защитить всеми своими силами? Именно на вышеотмеченной базе, именно в том направлении, теми методами, которые Рамзин удачно характеризует, как «методы насыщения противоречий действительности до предела».

Весь фарватер восстановительного процесса по своим стихийным устремлениям был против пла-

новой электрификации. Отстаивая ставки этой электрификации, приходилось наталкиваться на громадное сопротивление. Электрификация и экономическое районирование фактически были не в чести у таких лидеров этого времени, какими являлись тт. Каменев и Сокольников. Это несмотря на то, что план электрификации всеми признавался ленинским планом, как об этом пишет теперь и вредитель Горев. Пишет черным по белому:

«Вредительская работа в области плана.

Начиная с 1923 г. доля средств, отпускавшихся по бюджету на электрификацию, не отвечала важности этой отрасли хозяйства и объему работ, необходимых для того, чтобы сделать электрификацию ведущим звеном всего плана народного хозяйства, как это требовалось наивысшими достижениями техники современной индустриализации. Эта вредительская диспропорция проводилась из года в год в комиссиях по контрольным цифрам ВСНХ и Госплана, инспирировавшихся работавшими в них вредительскими элементами» (показание от 20 октября 1930 г.).

И далее устанавливает:

«Таким образом совокупными усилиями вредительских элементов Донугля и плановых органов ленинский план электрификации Донбасса был сорван: из этого плана в ежегодные планы просочилась только Штеровская станция. Однако и эта станция строилась вредительским темпом, что и привело к кризису в электроснабжении Донбасса. Проводившиеся под давлением недостатка энергии поправки к плану — развитие мощности рудничных станций (Донсода и другие) — шли по линии генеральной установки бывших владельцев на развитие собственных рудничных станций».

Проследив назначение фактических ассигнований на дело электрификации из года в год, посмотрев кадры, мы можем легко убедиться, как много препятствий стояло на пути. Отсюда некоторая привычка считаться с неполадками в области электрификации, как с естественными результатами всестороннего сопротивления инерции восстановительного процесса. А дело было, оказывается, не только в этом. Дело было в прямой и подлой измене таких лиц, какими являлись, с одной стороны, Горев, бывший в свое время работником Петроградского комитета партии, и Осадчий — обвинитель по шахтинскому процессу — с другой. Цепочка была создана на славу: прочное гнездо в Госплане, в ЦЭС, в Главэлектро, в Техническом управлении ВСНХ, в Электроимпорте. Вредители доходили до такой наглости, что оборудование для одной станции делили между десятками фирм, чем автоматически предreshалась явная некомплектность такого оборудования. И все это увенчивалось специальной диверсионистской организацией. Рамзин с академической уравновешенностью вещает о том, что одна из линий вредительства в энергетике — растягивание строительства станций во времени и высокая их стоимость. Вместо 300 руб. стоимо-

сти за установленный киловатт — 400—500 руб., вместо постройки в годичный-полutorогодичный срок — постройка в 3-4 года. Вместо стандарта европейского на с'ем пара с единицы поверхности паровых котлов и такого же стандарта кубатуры зданий электростанций — наши доморощенные нормы. Как будто бы честным техникам и экономистам, работавшим в области энергетики, не были известны эти стандарты, а были известны только рамзинской компании. Как будто бы из года в год не велась борьба за упорядочение нашего крупного строительства, за резкое снижение строительных индексов. Наша беда заключалась в том, что мы приписывали и дефекты строительства и дефекты стандартизации естественной слабости наших кадров, естественным трудностям грандиозного строительства в совершенно необычайной организационной и социальной обстановке. Лазутчики вражеского стана ловко использовали эту обстановку, «насыщая ее противоречиями до отказа».

Ныне Горев и работник ВСНХ Каменецкий обстоятельно рассказывают нам, каким образом им удавалось срывать электрификацию Урала, Донбасса, московского и ленинградского центров. Не приходится распространяться об особом оборонном значении Урала и о роли его электрификации. Как же это вышло, что оказалось возможным временно снять Кизеловскую станцию из рубрики районных станций и задержать на год строительство Челябинской станции, как об этом свидетельствует тот же Горев. Первоначальная ячейка Кизеловской станции — не что иное, как прежняя Ораниенбаумская станция, своевременно эвакуированная на Урал. Технической экспертизой была установлена чрезвычайная дефектность гражданских сооружений этой станции для ее дальнейшего расширения с небольшой первичной мощности — всего в 6.000 квт. Имея в виду удешевление этой мощности, мы как бы делали ставку на «прикупку коровы к подоюнику». Одновременно на Урале, как и в горнопромышленном юге, со значительным опережением шло развитие больших фабрично-заводских электростанций. Ссылаясь на это, Гореву не трудно было убедить нас в необходимости поисков другого места для новой районной централи в этой части Урала, так как, по общему правилу, переделка старья не редко обходится дороже, чем новое строительство. Также не трудно было раскритиковать первоначальный технический проект Челябинской станции. Ведь мы все еще так далеки от стандарта в этом деле. Все это лишний раз показывает, как трудно вскрывать в технике нити вредительства, когда опытные специалисты жонглируют поисками лучших вариантов, да еще тщательно замаскировывая свое вредительство искусственными дискуссиями. Вспоминаю, — и уральские работники это могут подтвердить, — что волокита с Челябинской станцией была сравнительно быстро разгадана нами, и ныне Гореву приходится все же признаться, что как раз эта станция является одной из немногих, имеющих возможность сравнительно не запоздать со сроками своего строительства.

Что помогало вредительству по электростроительству в Донецком бассейне? Какие факты устанавливаются нынешними показаниями вредителей? Оказывается, что Бело-калитвенская станция была снята с постройки вследствие ложных показаний геологов. Затяжка работы Штеровской станции осуществлялась большим коллективом работников центра и Украины по самым разнообразным линиям. Тут и затяжка с проектами, и отчаянная канитель с проработкой вопросов, связанных с сжиганием антрацитового штыба, и неправильные заказы за границей как аппаратов по сжиганию пылевидного топлива, так и агрегатов котельной и машинной аппаратуры. Гришанская и Лисичанская станции, намеченные еще по плану ГОЭЛРО, были сняты вообще под предлогом новых ставок в энергетике. В самом деле в перспективе мы себе представляем работу государственных электрических сетей опирающейся не только на районные электроцентралы, так сказать, чистого назначения, но и на всевозможные электропромышленные комбинаты. Идея эта совершенно правильна, но опираясь на нее, вредители могли ловко проводить строительство обособленных станций на шахтах, рудниках и заводах, лишь внешним образом прикрываясь производственным комбинированием этих станций. А заказчикам из Торгпрома это было конечно на руку — укреплялось их частное хозяйство. Вот как пишет по поводу работ в Донбассе Горев:

«В отношении Донбасса мною лично проводились в президиуме Госплана и комиссии т. Рыкова нижеследующие вредительские установки:

а) Ограничение мощности Штеровской станции 110 тыс. квт путем заказа для ее третьей очереди 2 турбин по 22 тыс. квт, а не по 44 тыс. квт, как это было принято президиумом Госплана и СТО. Это предложение мотивировалось недостаточностью конденсационной воды в реке Мнус и неправильной оценкой потребности и мощности прочих станций.

б) Установка против приступа к постройке Зуевской станции в 1928/29 г., мотивированная возможностью снабжения Донбасса от Днепра в начале 1932 г. Против этой установки в комиссии т. Рыкова зимой 1928/29 г. было принято постановление о немедленном приступе к постройке Зуевской станции» (показание от 20 октября 1930 г.).

Вредителям удалось значительно затормозить проведение ленинского плана электрификации. Здесь можно было бы показать, каким образом как раз по этой линии приходила им на помощь право-оппортунистическая установка, всегда скептически оценивавшая позиции плановой электрификации. Для нашей цели однако достаточно лишь приведенных справок, тем более, что серьезность положения с электроснабжением в решающих промышленных центрах — общеизвестный факт.

Как же в последнем счете мы расцениваем наше нынешнее положение? Достигли ли своей цели вредители? Удалось ли им сорвать план ГОЭЛРО? Приведу вам для этой цели те справки, которые полу-

чены мною от нынешнего председателя секции по электрификации Госплана т. Вагранского. По плану ГОЭЛРО намечалось сооружение в 10-летний срок, начиная с 1921 г., районных станций на общую установленную мощность $1\frac{1}{2}$ млн. квт. На худой конец предвиделось, что постройка этих станций может затянуться на 15 лет. Действующих электростанций общего пользования в 1921 г. было около 250 тыс. установленных квт. Итак общая мощность районных электростанций в лучшем случае должна была бы быть по этому плану в 1931 г. размером 1.750 тыс. квт. Количественные ставки намечались в плане ГОЭЛРО лишь ориентировочно. Округляя расчет этого плана, мы можем сказать, что по нему примерно к концу 1931 г. установленная мощность электростанций должна была составить около 2 млн. квт. На самом деле на 1 января 1931 г. она будет около 1.300 тыс. квт. Как раз в 1930 г. мы сделали особенно крупный шаг вперед в этом строительстве, присоединив свыше 350 тыс. квт новой мощности, хотя и недополнив всей программы. На будущий год мы рассчитываем более чем удвоить этот годичный прирост. В таком случае уже в будущем году мы значительно перевыполним план ГОЭЛРО. И тем не менее по темпам мы отстаем: наша индустриализация опережает нашу электрификацию. Желательные для вредителей разрывы между подразделениями промышленности — налицо. Но радоваться им не придется. При прочих равных условиях соединенная мощность электростанций общего пользования и фабрично-заводских станций, вновь пускаемых в оборот нашего хозяйства, в 1931 г. должна составить свыше 1 млн. квт. Это, товарищи, уже размер мощности, соответствующий масштабам электростроительства наиболее передовой индустриальной страны — САСШ. Вопреки вредительским прорывам фронта нашей энергетики — такой решающий итог нашей предшествующей работы на этом фронте. Какой штаб мог подготовить этот итог — вредительский или пролетарский? Я утверждаю — пролетарский.

Вредители рассчитывали, что 1930 г. будет наиболее кризисным. В виду особого значения дефицитов по электроснабжению их надо пристально изучать. По предварительным подсчетам эти дефициты таковы (в расчете на максимум 1931 г.): по Москве — 81 тыс. квт, по Ленинграду — 46 тыс. квт, по Приднепровью — 44 тыс. квт, по Уралу — 26 тыс. квт, по Сталинграду — 14 тыс. квт, по Баку — 8 тыс. квт.

Насколько верны эти подсчеты? Здесь прежде всего следует отметить, что мы еще совершенно не на высоте ни по рационализации выработки электрической энергии, ни по рационализации ее потребления. Позволительно сомневаться и в том, что все крупные фабрично-заводские станции, находящиеся в непосредственной близости с районными электроцентралями, уже объединены в единый электрический котел. Огромные потери электрических сетей, частота аварий в них — все это говорит за то, что перед нами новые возможности экономии. Наши электростанции, вопреки расхлябанности нашего энергохозяйства, по числу часов использования установленных мощностей явля-

ются наиболее передовыми. В частности введение непрерывной производственной работы покончило у нас с провалами праздничных дней и выравнило нагрузку наших электрических станций в совершенно небывалых в мировой практике размерах. Однако главные завоевания в рационализации потребления электрической энергии еще впереди. Эти завоевания между прочим связаны и с нашей работой в области теплофикации. Вредители вели отчаянную борьбу против теплофикации. Это им удавалось тем в большей мере, что в наших решающих объединениях, в МОГЭС и в Электротоке, были свои вредительские гнезда. Тов. Танер-Танненбаум может доложить о бедах теплофикации с особой подробностью. Однако и здесь вредителям приходится признаться, что бороться против установок на теплофикацию они не могли: они сводили свою борьбу к борьбе против сроков и масштабов теплофикации. На последнем съезде по теплофикации я бросал представителям МОГЭС прямые обвинения в заторможении московской теплофикации, но я себе объяснял позицию некоторых работников МОГЭС закоружлой установкой на чистую электротехнику. Век живи — век учишься.

Вот, товарищи, в кратких чертах общая характеристика вредительских линий по энергетике.

Вы, товарищи, видели, как вредители использовали те разрывы в нашем плановом хозяйстве, которые были ему присущи по общим условиям нашего строительства. Вы видели, как они использовали разрывы между планом и выполнением плана, между работой плановых органов и оперативных органов, как они противопоставляли слабости наших собственных кадров свои сплоченные силы. Вредительству в области энергетики способствовал прежде всего рассыпной фронт самой энергетики. Можно показать, что вредители вели многолетнюю борьбу против единого и цельного здания энергетики. В этой борьбе они опирались не только на инерцию восстановительного процесса, но на правооппортунистические элементы, всегда недооценивавшие значение энергетики. А между тем еще в 1919 г. в своей брошюре «Основные задачи электрификации России» я писал по этому вопросу нижеследующее:

«Необходимо сделать немедленные шаги по под'ему профессионального электротехнического образования.

Распыление профессионального союза электротехников в профсоюзе металлистов явно не целесообразно. Перед союзом электротехников — свои громадные задачи, свое обширное поле действий. Надо втянуть в этот пролетарский союз и квалифицированных электротехников-специалистов. Деятельное сотрудничество с пролетариатом не замедлит сказаться надлежащим сдвигом в их психологии. Но даже и при самом бережном обращении с нашими немногими специалистами-электротехниками в дальнейших обширных электротехнических работах нам вероятно не обойтись без того или иного контакта с лучшими мировыми авторитетами в области этой науки...

Наши техники до сих пор еще не перестают оглядываться в сторону частной инициативы и спасительных начал капиталистической конференции... Жребий брошен; мы — за баррикадами, в разгаре неслыханной борьбы за наше, за мировое право раз навсегда покончить с эксплуатацией человека человеком...

Карманным интересам рыцарей наживы, слепой игре стихий на капиталистическом рынке, системе выжимания пота из миллионов трудящихся, хищническому попранию интересов грядущих поколений, трагической капитуляции науки перед биржей — пролетариат должен и сумеет противопоставить всепроникающий разумный план объединенного хозяйства народа, правильную и систематическую экономию в расход живых сил, заботливый уход за достоянием природных сокровищ, действенное проведение разума науки в жизнь. И в этой гигантской работе он не преминет решительно опереться на наиболее эффективное орудие XX века — электрическую энергию».

Спустя 11 лет я не нахожу нужным внести сюда какие-либо поправки. Я убежден, что именно в этом направлении пойдет наше дальнейшее энергостроительство. В эффективности своих планов вредители просчитались. Будущее за нас, а не за них. Мы как раз на новом этапе и по линии планирования и по линии электрификации. Время кабинетных работ по планированию миновало. Растут огромные силы нового пролетарского актива. Развертывается в небывалых формах социалистическая организация труда, крепнет социалистическое соревнование, развивается встречный промфинплан, переплетается работа городских и деревенских активов, словом поднимается огромная рать в миллионы голов действительных организаторов социалистического производства. На почве планового режима хозяйства создаются небывалые предпосылки и для всего нашего энергетического строительства и в частности для всей электроэнергетики. Теперь уже всему миру ясно, что мы перевыполняем нашу пятилетку, что она является, вопреки усилиям вредителей, нашей грозной силой.

Товарищи, раскрытие вредительского заговора показывает нам, как с нами боролись отравленным оружием испытанные кадры техников. Но вопреки их усилиям в нашем хозяйственном строительстве нам удалось завершить этап несомненно исторического значения. Так велики те исторические силы, которые стоят за нас.

Я вспоминаю, товарищи, как накануне перехода от военной политики революции к мирной передышке Владимир Ильич расценивал достижения прошлого. Он говорил, что наши победы на военном фронте таковы, что уже нет в мире таких сил, которые могли бы вычеркнуть их со скрижалей истории, что в них мы имеем уже нечто неотъемлемое.

Какие бы прорывы на фронте нашего хозяйства не были совершены усилиями вредителей, вопреки им проделанная положительная работа настолько велика, что в свою очередь представляет наше неотъемлемое завоевание. Нет такой вражеской рати, которая могла бы стереть со скрижалей истории и эти завоевания.